

СКЛЯРОВА Наталья Геннадиевна,

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка Южного федерального университета; Ростов-на-Дону, Россия;
e-mail: panochka@bk.ru; тел.: +7 (8863) 2348972; моб.: +7 909 4154221

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ С РАЗЛИЧНЫМИ СЕМАНТИЧЕСКИМИ КАТЕГОРИЯМИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье в ракурсе общей концепции взаимодействия языка, мышления и действительности с использованием контекстологического метода исследования союзов альтернативной семантики рассматривается актуализация в русском языке взаимодействия альтернативности с другими семантическими категориями. Единицы плана выражения последних могут выступать в качестве сочинённых союзом компонентов, а также других членов предложения. В результате подобного взаимодействия возникают категориальные ситуации различных видов альтернативности, а именно: темпоральной, аспектуальной, залоговой, модальной, квантитативной, компаративной, стативной, посессивной, персональной, референциальной, локативной, каузальной, целенаправленной, условной и усугубительной. Категориальные ситуации альтернативного чередования, дистрибуции, уточнения, аппроксимации, мотивации, образуемые при совместном функционировании средств передачи определенных семантических категорий, представляют собой субкатегориальные варианты семантической категории альтернативности, инвариантное значение которой, таким образом, подвергается различным смысловым модификациям. Выделенные сопряженные категориальные ситуации отражают многообразие и многоаспектность находящихся в альтернативных отношениях ситуаций реальной действительности.

Ключевые слова: взаимодействие, семантическая категория, категориальная ситуация, альтернативность.

Взаимодействие как всеобщая форма существования фрагментов объективной действительности, а также мыслей о них в человеческом сознании [10, с. 87] влечёт за собой и необходимость познания вещей и свойств окружающего мира не изолированно, а во взаимодействии, что, в свою очередь, способствует выработке соответствующих принципов исследования. Причём, именно изучение одного явления через взаимодействие с другими позволяет получить его всестороннюю и исчерпывающую характеристику. Иными словами, взаимодействие может, по праву, считаться онтологической, гносеологической и методологической категорией. В частности, в лингвистике языковые факты рассматриваются в ракурсе собственно лингвистического взаимодействия синхронии и диахронии, системы и среды, парадигматики и синтагматики, выражения и содержания, имплицитности и эксплицитности, формы и функции, инвариантности и вариативности, универсальности и специфичности, а также с учётом экстралингвистического взаимодействия языка, мышления и действительности.

Изучение взаимодействия семантических категорий путём установления случаев совместного функционирования в высказывании средств плана их выражения представляется актуальным и весьма интересным направлением лингвистических исследований, помогающим глубже постичь специфику каждой семантической категории, а также объективные связи между фундаментальными свойствами реального мира, составляющими их содержательную основу.

Цель настоящей статьи — установить диапазон взаимодействия альтернативности с другими семантическими категориями в сопряжённых категориальных ситуациях, отображаемых средствами русского языка. В соответствии с поставленной целью в круг задач исследования входят: характеристика понятийных и семантических категорий и обоснование возможности их отождествления, установление категориального статуса альтернативности; выявление плана её содержания и плана выражения; изучение контекстуального окружения союзов альтернативной семантики; систематизация отображаемых ими во взаимодействии с элементами окружающего контекста категориальных ситуаций.

Семантические категории являют собой результат интерпретации и структурирования средствами конкретного языка, а также социальной объективации в данном языковом коллективе соответствующих понятийных категорий, под которыми понимаются «смысловые компоненты общего характера, выражаемые в естественном языке разнообразными способами» [6, с. 385]. Однако такое разграничение понятийных и семантических категорий представляется нам не совсем оправданным и значительно усложняющим понимание сущности обеих. По-нашему мнению, их следует отождествить на том основании, что понятийные категории именуется также «универсальные *семантические* признаки» [16, с. 221], а также учитывая инвариантно-вариантный логический принцип, обуславливающий их иерархическую структуру. Исходя из него, каждая

семантическая категория имеет обобщённое категориальное значение, выступающее в качестве инварианта, при модификации которого дополнительными смыслами выделяются её различные субкатегориальные варианты. Они характеризуются факультативностью существования в том или ином языке, что обусловлено особенностями интерпретации его единицами соответствующей семантической категории.

В современном языкознании семантические категории трактуются как основные концепты, лежащие в основе грамматических (морфологических и синтаксических категорий) [12, с. 57], иными словами, они представляют собой концептуальное объединение объектов [2, с. 41], где под концептуализацией понимается процесс познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концепта — единицы ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает опыт и знание человека [11, с. 90].

Для обоснования принадлежности альтернативности к семантическим категориям необходимо обратиться к повседневной жизни, во всех сферах которой регулярно возникают ситуации противопоставления фактов и явлений на основе их абсолютной несовместимости или взаимоисключения при определённых условиях. Это вызвано целым рядом объективных и/или субъективных причин, а именно: пространственно-временными ограничениями, общественными законами и порядками, логической несовместимостью, скудностью созидательных и потребительских возможностей, представлениями о системе ценностей и др. Подобные ситуации воспринимаются и отражаются человеческим сознанием как находящиеся в альтернативных отношениях. Они реализуются в равноуровневых средствах языка, к которым относятся союзы соответствующей семантики, лексемы, имеющие сему выбора в структуре своего значения, члены синтаксической парадигмы вопросительных предложений, слова различных частей речи, обладающие средней степенью предположительности, предложения с условными союзами. Перечисленные языковые единицы в зависимости от своих функциональных возможностей способны передавать альтернативные отношения эксплицитно, имплицитно, самостоятельно или в составе того или иного высказывания [15]. Ведущая роль среди них принадлежит союзным средствам альтернативной семантики, ибо частеречное значение союзов состоит в «обозначении содержательных отношений между связываемыми единицами» [7, с. 484].

Таким образом, поскольку альтернативные отношения, с одной стороны, являются действующей нормой сознания, весьма характерной для человеческого бытия, а с другой, получают определённое преломление в языковой системе, альтернативность отвечает обоим требованиям, предъявляемым лингвистами к семантической категории [3, с. 238; 14, с. 72], и может по праву считаться таковой. Она входит в состав реляционных семантических категорий, денотатом которых является «называние типа соотносённости нескольких фактов» [9, с. 139], т. е. передача значения, характеризующего отношение одного факта к другому.

В силу абстрактной природы отношений, обуславливающей невозможность их существования вне объединяемых ими вещей и свойств, альтернативность находится в тесном взаимодействии с другими семантическими категориями. Это взаимодействие служит воплощением специфики существования явлений реального мира и проявляется в сопряжённых категориальных ситуациях — типовых содержательных структурах, представляющих собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей денотативной ситуации и соотносённых с различными формальными средствами [4, с. 21]. Языковой реализацией указанного взаимодействия служат сочинённые конструкции, где союзы альтернативной семантики соединяют равноуровневые единицы, репрезентирующие план содержания различных семантических категорий.

Анализ фактологического материала русского языка позволил нам выделить следующие типы категориальных ситуаций (КС):

— КС темпоральной альтернативности: *Не сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра, твоя подруга всё одно должна была умереть* (А. Чехов).

— КС аспектуальной альтернативности: *... всё, что только ни было в Петербурге, или переехало, или переезжало на дачу* (Ф. Достоевский).

— КС залоговой альтернативности: *Их останавливали по дороге, либо они останавливались сами и толковали о своих неотложных житейских вопросах* (К. Федин).

— КС модальной альтернативности: *Все, за редкими исключениями, были или казались хорошенькими: так восторженно они все улыбались и так разгорались их глазки* (Л. Толстой).

— КС квантитативной альтернативности: *В штабе, где привыкли передвигать целые армии и мерили расстояния стовёрстными переходами, уверяли, будто деревня где-то рядом, вёрстах в двадцати или двадцати пяти* (Б. Пастернак).

— КС компаративной альтернативности: *У моей рыжеволосой героини стало на душе тоже приятно, как будто бы она играла на первых скрипках или имела дирижёрское сердце* (А. Чехов).

— КС стативной альтернативности: *«Обсудим, обсудим!» думал он, беспокойно прикрывая глаза, и ребята думали, что он или сердит, или нездоров* (И. Бунин).

— КС посессивной альтернативности: *Правда, это — Касьяново изобретение, не моё. Или Варичева* (Д. Гранин).

— КС персональной альтернативности: *Или вы, или я обманулись, может быть, он письма не получал?* (Ф. Достоевский).

— КС референциальной альтернативности: *Сказанное выше не относится, конечно, к изучению материала научного и познавательного, необходимого писателю для той или иной книги* (К. Паустовский).

— КС локативной альтернативности: *С той поры стал он прихватывать на стороне, путался с гулящими жалмерками, уходил чуть ли не каждую ночь, замкнув Аксинью в амбаре или горенке* (М. Шолохов).

— КС каузальной альтернативности: *То ли из-за охватившего его нервного возбуждения, то ли потому, что в окна лился свет белой ночи, но заснуть Звягинцеву не удавалось* (А. Чаковский).

— КС целенаправленной альтернативности: *Джумаль сошла с него и потянула за повод вперёд, чтобы встретить человека или найти колодец* (А. Платонов).

— КС условной альтернативности: *Если мне надо было какую-нибудь научную книгу или особый пинцет, я ехал в город, покупал и подписанный Энвэ счет передавал бухгалтеру* (Д. Гранин).

— КС уступительной альтернативности: *Один я тут останусь или останемся мы оба, мне безразлично, мы друг другу не мешаем* (А. Рыбаков).

При интеграции в одном альтернативном ряду средств русского языка, выражающих различные семантические категории, возникают усложнённые сопряжённые категориальные ситуации, например:

— КС неопределённо-каузальной альтернативности: *Он всегда занимался тайнами машин, надеясь посредством механизмов преобразовать весь мир для блага и наслаждения человечества или ещё для чего-то — жена его точно не знала* (А. Платонов).

— КС темпорально-квантитативной альтернативности: *Такое житьё продолжалось год или три, но, наконец, он наскучил всем даже и в этой последней роли* (Ф. Достоевский).

— КС персонально-стативной альтернативности: *Чтобы любить её, нужно быть или мной, или сумасшедшим, что впрочем, одно и то же* (А. Чехов).

Способность к взаимодействию, проявляемая семантическими категориями в усложнённых категориальных ситуациях, обусловлена не только особенностями единиц языка, составляющих план их содержания, но и закономерными связями между самими семантическими категориями, которые, в свою очередь, зависят от онтологической возможности альтернативного противопоставления тех или иных явлений реального мира.

Среди альтернативных категориальных ситуаций следует выделить такие КС, в которых взаимодействие альтернативности с другими семантическими категориями способствует актуализации её субкатегориальных вариантов. При этом средства передачи различных семантических категорий могут выступать в качестве контекстуального окружения, необходимого для модификации альтернативных отношений, передаваемых союзными средствами плана выражения семантической категории альтернативности. Такая особенность обусловлена тем, что роль среды по отношению к некоторой семантической категории как системе выполняют средства других семантических категорий, которые участвуют в формировании и сохранении её субкатегориальных вариантов.

В КС альтернативного чередования актуализируется одноимённый субкатегориальный вариант альтернативности, возникающий при темпоральной модификации её инвариантного значения, причем средства плана выражения семантической категории темпоральности участвуют здесь не в качестве сочинённых компонентов альтернативной конструкции, а в качестве обстоятельственных маркеров. Сущность отношений альтернативного чередования заключается в том, что каждое из противопоставляемых событий или явлений имеет место в действительности, исключая другое только в период своей реализации, так, что они в произвольной последовательности и с различным интервалом замещают друг друга во времени и пространстве. Несовместимость противопоставляемых событий и явлений проявляется в том, что каждое из них «как бы исключается из того временного плана, в котором реализуется другое» [17, с. 67]. При этом чередоваться могут как несколько целых ситуаций, так и элементы (фрагменты) одной повторяющейся ситуации.

Данный субкатегориальный вариант альтернативности в русском языке возникает в результате взаимодействия союзов *или, либо, а то и, то... то, если не... то, если не... так, не... так* с лексическими и синтаксическими показателями, которые служат для темпоральной локализации чередующихся событий на индивидуальной или общепринятой временной оси, а также относительно других событий, например: *Вечером, если он не развезжает по стране, и лающий голос его не воспроизводят тысячи репродукторов, так смотрит фильм — голливудские боевики или военную хронику...* (А. Чаковский). *В дни отдыха Люба и Никита ходили*

гулять по зимним дорогам за город или или, полюбившись по льду уснувшей реки Потудани далеко вниз по летнему течению (А. Платонов).

Средства темпоральной семантики несут информацию о периоде осуществления чередующихся событий и/или об интервале чередования, например: *Каждую минуту он менял направление и хлестал то в спину, то в лицо, то справа, то слева* (К. Паустовский). *Древняя иранская дорога уже тысячу лет несла на себе либо торжествующее, либо плачущее, либо мертвое человеческое сердце* (А. Платонов).

В КС альтернативной дистрибуции актуализируется одноимённый субкатегориальный вариант альтернативности, возникающий при участии средств выражения семантической категории квантитативности. Причём последние являются не сочинёнными компонентами конструкции с союзами альтернативной семантики, а другими членами предложения, выступающими в роли так называемого множественного нерасчленённого актанта [8, с. 67], под которым понимается некоторая совокупность предметов или лиц. Множественный нерасчленённый актант является участником ряда событий (процессов), носителем ряда признаков (состояний), каждое из которых приписывается не всему актанту, а только его части. Иными словами, подразумевается альтернативное распределение событий (процессов, состояний, признаков) между составляющими данное множество предметами или лицами. В русском языке отношения альтернативной дистрибуции реализуются в результате взаимодействия союзов *или, либо* со средствами, выражающими неопределённое множество, например: *Ящики картотеки были выдвинуты или выдернуты совсем, лежали на полу и на столе* (В. Дудинцев). *Он не мог поверить, что эти крупные учёные, люди безупречной честности, научной добросовестности, могли оказаться вредителями, или проходимцами, или врагами народа* (Д. Гранин).

В КС альтернативной аппроксимации актуализируется одноимённый субкатегориальный вариант альтернативности, основанный на приблизительной оценке элементов окружающего мира — предметов, их качественных и количественных признаков, действий, состояний, и даже целых событий и ситуаций. В связи с этим выделяются такие основные разновидности аппроксимации, как квантитативная, квалитативная, субстантивная, процессуальная и ситуативная. В основе приблизительной оценки лежат различные факторы, тогда как причиной количественной аппроксимации, являющейся наиболее распространённой, служат неоднозначное, расплывчатое, нечёткое восприятие фрагментов окружающего мира, недостаточная информированность о них, торопливость или небрежность говорящего [5, с. 100].

В русском языке актуализация категориальной ситуации альтернативной аппроксимации количества осуществляется различными способами. Во-первых, оба компонента сочинённой конструкции, соединяемые союзами *или, то ли... то ли, не то... не то, а то и*, ограничивают неопределённую множественность определёнными количественными рамками, то есть являются единицами плана выражения семантической категории квантитативности, например: *Остаётся досказать немногосложную повесть Юрия Андреевича, восемь или девять последних лет его жизни перед смертью, в течение которых он всё больше сдавал и опускался, теряя докторские познания и навыки...* (Б. Пастернак).

Во-вторых, средства выражения семантической категории квантитативности в первом компоненте сочинённой конструкции ограничивают некоторое множество начальной или конечной точкой отсчёта, тогда как второй сочинённый компонент представлен средствами выражения субкатегориального варианта неравенства семантической категории компаративности. Подобные случаи можно охарактеризовать как усложнённые категориальные ситуации квантитативно-компаративной альтернативности, например: *Давно в ночное время сорок или больше всадников ехали мирным шагом в долине Фирюзы по краю речного потока* (А. Платонов).

В КС альтернативного уточнения актуализируется одноимённый субкатегориальный вариант альтернативности, при котором второй сочинённый компонент, вводимый союзами *или, то есть*, вносит поправку в отображаемую денотативную ситуацию, поскольку информация, передаваемая первым компонентом конструкции, либо не вполне точна и адекватна, либо имеет отвлечённый, обобщённый характер и потому также требует иллюстрирующего, конкретизирующего комментирования [13, с. 82]. Взаимоисключение противопоставляемых компонентов проявляется в том, что обозначается во втором компоненте исключает из плана более адекватного отражения то, что обозначается первым. Одновременно сообщаемое в первом компоненте исключает из плана менее адекватного отражения то, что обозначается вторым [17, с. 67].

Характер и область уточнения определяются лексико-грамматическим наполнением сочинённых компонентов, то есть специфическими особенностями уточняемого и уточняющего членов конструкции. При этом в актуализации категориальных ситуаций альтернативного уточнения участвуют различные семантические категории.

Так, темпоральное уточнение заключается в изменении грамматических форм глагола-сказуемого в соответствии с необходимостью внесения поправки во временную отнесённость действия или события, например: *Имеете ли вы, или имели за это время связь с вашей организацией?* (М. Шолохов). В следующем примере уточняющий и уточняемый компоненты сочинённой

конструкции представляют собой средства выражения субкатегориального варианта местонахождения семантической категории локативности: *Обогнув Ивановскую площадь Кремля, машина свернула в тупик и остановилась у подъезда, или точнее, у крыльца, прикрытого железной крышей с кружевным металлическим козырьком* (А. Чаковский).

В КС альтернативной мотивации актуализируется одноимённый субкатегориальный вариант альтернативности, возникающий при участии союзов *или, а то, а не то, не то* и средств плана выражения семантической категории модальности. Отношения альтернативной мотивации представляют собой причинно-следственную модификацию альтернативных отношений, при которой ситуации соотносятся как несовместимые, однако в данном случае вторая альтернатива, указывая на предполагаемые последствия неисполнения первой, мотивирует её реализацию [1, с. 14]. Роль модальности в рассматриваемых категориальных ситуациях состоит в таком наполнении обоих сочинённых компонентов, которое обуславливает мотивируемую функцию первого и мотивирующую функцию второго.

В русском языке в мотивируемой части высказывания средства выражения таких субкатегориальных вариантов семантической категории модальности, как императивность, необходимость, ирреальность, выражают прямое или косвенное побуждение совершить некоторое действие. В мотивирующей части при помощи средств плана выражения субкатегориальных вариантов потенциальности, предположения, ирреальности излагаются возможные последствия, которые будут иметь место в случае, если данное действие не осуществится, например: *Покупайте эти пряники, но держите их, пожалуйте, подальше от рта, не то быть беде* (А. Чехов). *Нам нужно расстаться на некоторое время, а то от скуки мы можем серьёзно поссориться* (А. Чехов). *Ты бы посидела с гостями, а то подумают, что ты гордая* (А. Чехов).

Таким образом, взаимодействие альтернативности с другими семантическими категориями в сопряжённых категориальных ситуациях, актуализируемых в конструкциях с союзами альтернативной семантики, с одной стороны, демонстрирует возможности взаимодействия фундаментальных свойств окружающего мира, составляющих содержательную основу соответствующих семантических категорий, а с другой — отражает многообразие и многоаспектность находящихся в альтернативных отношениях ситуаций реальной действительности.

Л и т е р а т у р а

1. Белошапкина В. А. Предложения альтернативной мотивации в современном русском языке / В. А. Белошапкина // Исследования по современному русскому языку : сб. статей. — М. : Изд-во Московск. ун-та, 1970. — С. 13—23.
2. Болдырев Н. Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имён абстрактной семантики / Н. Н. Болдырев // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. статей. — М. : Языки славянской культуры, 2009. — С. 38—50.
3. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. — Л. : Наука, 1978. — 176 с.
4. Бондарко А. В. Категориальные ситуации / А. В. Бондарко // Вопросы языкознания. — 1983. — № 2. — С. 20—32.
5. Бузаров В. В. Что такое аппроксимация в лингвистике (на материале английского и немецкого языков) / В. В. Бузаров, Э. Г. Лынова // Иностранные языки в школе. — 1991. — № 2. — С. 100—102.
6. Булыгина Т. В. Понятийные категории / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 385—386.
7. Васильева Н. В. Союз / Н. В. Васильева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / [гл. ред. В. Н. Ярцева]. — М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. — С. 484—485.
8. Госсман К. Г. Функционально-семантическое поле дизъюнкции (на материале полипредикативных конструкций современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук / К. Г. Госсман. — Л., 1985. — 159 с.
9. Долинина И. Б. Функциональная грамматика и содержательная классификация грамматических категорий / И. Б. Долинина // Проблемы функциональной грамматики : сб. статей. — М. : Наука, 1985. — С. 132—142.
10. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. — [2-е изд. испр. и доп.]. — М. : Наука, 1975. — 720 с.
11. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. — М. : Изд-во Московск. ун-та, 1996. — 245 с.
12. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 280 с.
13. Ляпон М. В. Смысловая структура сложного предложения: К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. — М. : Наука, 1986. — 200 с.
14. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. — М. : Наука, 1978. — 388 с.
15. Склярова Н. Г. Альтернативность как языковая универсалия / Н. Г. Склярова. — Ростов н/Д : Изд-во Ростовск. ун-та, 2006. — 284 с.
16. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. — М. : РГГУ, 2001. — 800 с.

17. Холодов Н. Н. Сложносочинённые предложения с разделительными союзами / Н. Н. Холодов // Русский язык в школе. — 1975. — № 4. — С. 65—70.

References

1. Beloshapkova V. A. Predlozhenija al'ternativnoj motivacii v sovremennom russkom jazyke / V. A. Beloshapkova // Issledovanija po sovremennomu russkomu jazyku : sb. statej. — M. : Izd-vo Moskovsk. un-ta, 1970. — S. 13—23.
2. Boldyrev N. N. Processy konceptualizacii i kategorizacii v jazyke i rol' v nih imen abstraktnoj semantiki / N. N. Boldyrev // Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo : sb. statej. — M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2009. — S. 38—50.
3. Bondarko A. V. Grammaticheskoe znachenie i smysl / A. V. Bondarko. — L. : Nauka, 1978. — 176 s.
4. Bondarko A. V. Kategorial'nye situacii / A. V. Bondarko // Voprosy jazykoznanija. — 1983. — № 2. — S. 20—32.
5. Buzarov V. V. Chto takoe approksimacija v lingvistike (na materiale anglijskogo i nemeckogo jazykov) / V. V. Buzarov, Je. G. Lynova // Inostrannye jazyki v shkole. — 1991. — № 2. — S. 100—102.
6. Bulygina T. V. Poniatijnye kategorii / T. V. Bulygina, S. A. Krylov // Jazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / [gl. red. V. N. Jarceva]. — M. : Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija, 1998. — S. 385—386.
7. Vasil'eva N. V. Sojuz / N. V. Vasil'eva // Jazykoznanie. Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / [gl. red. V. N. Jarceva]. — M. : Bol'shaja Rossijskaja enciklopedija, 1998. — S. 484—485.
8. Gossman K. G. Funkcional'no-semanticheskoe pole diz'junkcii (na materiale polipredikativnyh konstrukcij sovremenogo nemeckogo jazyka) : dis. ... kand. filol. nauk / K. G. Gossman. — L., 1985. — 159 s.
9. Dolinina I. B. Funkcional'naja grammatika i sodержatel'naja klassifikacija grammaticheskikh kategorij / I. B. Dolinina // Problemy funkcional'noj grammatiki : sb. statej. — M. : Nauka, 1985. — S. 132—142.
10. Kondakov N. I. Logicheskij slovar'-spravochnik / N. I. Kondakov. — [2-e izd. ispr. i dop.]. — M. : Nauka, 1975. — 720 s.
11. Kubriakova E. S. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / E. S. Kubriakova. — M. : Izd-vo Moskovsk. un-ta, 1996. — 245 s.
12. Kubriakova E. S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke: Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira / E. S. Kubriakova. — M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. — 280 s.
13. Liapon M. V. Smyslovaja struktura slozhnogo predlozhenija: K tipologii vnutritektovnyh otnoshenij / M. V. Liapon. — M. : Nauka, 1986. — 200 s.
14. Meshhaninov I. I. Chleny predlozhenija i chasti rechi / I. I. Meshhaninov. — M. : Nauka, 1978. — 388 s.
15. Skliarova N. G. Al'ternativnost' kak jazykovaja universalija / N. G. Skliarova. — Rostov n/D : Izd-vo Rostovsk. un-ta, 2006. — 284 s.
16. Testelec Ja. G. Vvedenie v obshhij sintaksis / Ja. G. Testelec. — M. : RGGU, 2001. — 800 s.
17. Holodov N. N. Slozhnosochinionnye predlozhenija s razdelitel'nymi sojuzami / N. N. Holodov // Russkij jazyk v shkole. — 1975. — № 4. — S. 65—70.

СКЛЯРОВА Наталя Геннадівна,

доктор філологічних наук, професор кафедри теорії і практики англійської мови Південного федерального університету; Ростов-на-Дону, Росія;
e-mail: panochka@bk.ru; tel.: +7 (8863) 2348972

ВЗАЄМОДІЯ АЛЬТЕРНАТИВНОСТІ З ІНШИМИ СЕМАНТИЧНИМИ КАТЕГОРІЯМИ ТА ЇЇ РЕАЛІЗАЦІЯ В РОСІЙСЬКІЙ МОВІ

Анотація. У статті в ракурсі загальної концепції взаємодії мови, мислення і дійсності з використанням дистрибутивного та контекстологічного методів дослідження сполучень альтернативної семантики вперше розглядається актуалізація в російській мові взаємодії альтернативності з іншими семантичними категоріями. Аналіз фактичного матеріалу свідчить про те, що в російській мові відображені категоріальні ситуації темпоральної, аспектуальної, станової, квантитативної, посесивної, персональної, преференційної, компаративної, стативної, модальної, цілеспрямованої, вокативної, каузальної, умовної, допустової альтернативності. Виокремлені сурядні категоріальні ситуації відображають різноманіття й багатоаспектність ситуацій реальної дійсності, що перебувають в альтернативних відносинах

Ключові слова: взаємодія, семантична категорія, категоріальна ситуація, альтернативність.

Natalya G. SKLYAROVA,

Grand Ph.D. in Philological Sciences, Professor of the Department of the Theory and Practice of the English language, the Southern Federal University; Rostov-on-Don, Russia;
e-mail: panochka@bk.ru; tel.: +7 (8863) 2348972

INTERACTION OF ALTERNATIVENESS WITH OTHER SEMANTIC CATEGORIES AND ITS REALIZATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Summary. In the article the interaction of alternativeness with other semantic categories in the Russian language is described in the framework of the language–mind–reality relation through the contextual analysis

of the conjunction, expressing the meaning of alternativeness. The language means conveying the meaning of other categories may occupy the positions of homogeneous elements of the sentence connected by these conjunctions and/or perform other syntactic functions. Due to this interaction various types of alternativeness appear, namely, temporal, aspectual, voice, modal, quantitative, comparative, possessive, personal, referential, spatial, causative, conditional, concessional etc. In the situations of alternation, distribution, reformulation, motivation, approximation the meaning of alternativeness undergoes different modifications. The interaction of alternativeness with other semantic categories is vividly displayed by combinative potential of Russian language units which also reveals the variety of alternative situations existing in reality.

Key words: interaction, semantic category, categorial situation, alternativeness.

Статтю отримано 28.06.2014 р.

УДК 811.111'367.322'371'42:159.942.3:821.111-312.4

СТЕПАНЕНКО Ольга Александровна,

аспирант кафедры грамматики английского языка Одесского национального университета имени И. И. Мечникова; председатель цикловой комиссии иностранных языков Одесского мореходного училища рыбной промышленности имени Алексея Соляника; Одесса, Украина;
e-mail: solga971@ukr.net; тел. моб.: +38 093 4517053

ВОПРОС КАК ОСОБЫЙ СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИАЛОГЕ

Аннотация. Представленная статья рассматривает проблему выражения эмоций посредством употребления вопросительных предложений в современном английском языке. Актуальность работы мотивируется общей гносеологической важностью проблемы интеррогатива как возможного способа выражения эмотивности в высказывании. Несмотря на постоянный интерес исследователей к проблеме выражения эмоций в речи коммуникантов, сегодня нет лингвистических работ, посвящённых проблеме использования вопросов с этой целью. Основной задачей данного исследования является определение коммуникативной и когнитивной сущности интеррогативных предложений в плане выражения эмоционального состояния говорящего к информации, заключённой в высказывании. В работе конкретизируются понятия экспрессивности, эмотивности, эмоциональности и выделяются наиболее типичные интеррогативные конструкции, употребляемые для выражения эмоций. Исследование основывается на анализе 6000 вопросительных конструкций, отобранных методом сплошной выборки из персонального диалога современных англоязычных детективных романов. Результаты исследования свидетельствуют, что существует пять типов структурно различных вопросительных предложений, которые обычно употребляются для выражения эмоций в диалоге. При этом наиболее частотными из них являются отрицательные вопросы. Делается общий вывод, что интеррогативные предложения функционируют в речи не только как специальный механизм запроса информации и познания, но и как способ выражения эмотивного состояния говорящего.

Ключевые слова: литературный диалог, детективный роман, интеррогативные предложения, эмотивность, отрицательные вопросы.

Исследование посвящено изучению проблемы выражения эмоций вопросительными предложениями в современном английском языке. «Сама вопросительная конструкция является общеязыковой, или лингвистической, универсалией. Лингвистические универсалии — это языковые явления (свойства, характеристики), встречающиеся во всех (или почти во всех) языках мира» [3, с. 245—247]. Естественно предположить, что лингвистические универсалии связаны с общепсихическими особенностями человеческого сознания, в том числе, и с выражением эмоций. Изучение лингвистических универсалий приводит к пониманию функционирования человеческого сознания и его отображения в языковых формах. Как известно, современная лингвистика рассматривает вопрос не только, «как запрос информации, но и как носителя информации» [12, с. 37].

В настоящее время в языкознании установилось следующее понимание вопроса как философской и грамматической категории. «Всякий вопрос включает определённую исходную информацию, указывающую на предмет познания, которая называется базисом или предпосылкой вопроса. Кроме того, в вопросе обязательно содержится указание на недостаточность информации и необходимость дальнейшего дополнения и расширения знаний. Чтобы правильно поставить вопрос, необходимо иметь некоторое исходное представление о возможном ответе на него, знать, какую информацию необходимо получить. Иначе говоря, вопрос должен ставиться с определённой целью» [1, с. 86]. Суть проблемы состоит в том, чтобы выяснить, всегда ли вопрос имеет целью только получение информации или может выступать в другой функциональной роли, например, как способ выражения эмотивности.